

ПОІДАЄМ СО МНОЮ

КУРАТА ГУ
ЕКАТЕРИНА МЕРТ

ИЛЬВА САТИС
МАРИКА МАКЕЙ

САМИРА ИНСОМНИЯ

16+

Самира Инсомния

Пойдём со мной

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Самира Инсомния

Пойдём со мной / Самира Инсомния — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-98678-7

В преддверии Хэллоуина происходят странные вещи... Будоражащие.
Жуткие. В межавторском сборнике "Пойдём со мной" пять рассказов.
Атмосферных, красочных и невероятно интересных. Протяни руку и... пойдём
со мной.

ISBN 978-5-532-98678-7

© Самира Инсомния, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предупреждение	5
Милый друг, иль ты не видишь	6
Пойдём со мной...	8
Глава первая, в которой разбиваются зеркала	9
Глава вторая, в которой вспоминается прошлое	12
Глава третья, в которой Асель ходит по грани	15
Глава четвёртая, в которой, казалось, брезжит рассвет	19
Глава пятая, в которой ничего не изменить	22
Глава шестая, о полёте и приемнике	27
Шёпот	31
Пойдём со мной...	33
Глава первая, в которой Бобби боится засыпать один	34
Глава вторая, в которой Эдгар перебирает с бурбоном	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Самира Инсомния, Марика Макей, Ильва Сатис, Екатерина Мерт, Курата Гу Пойдём со мной

Предупреждение

- Мне кажется, этого не стоит делать...*
- Зачем ты все усложняешь?!*
- Просто... предупреждаю.*
- Не стоит, милый. Лучше спросить... Хочешь ли ты, читатель, окунуться в вязкую и зыбучую пучину своих страхов? Да? Отлично!*
- Уверен?..*
- Ох, замолчи!*
- Я спрашиваю...*
- Он уверен. И правильно! Что ж... пойдём со мной!*

Милый друг, иль ты не видишь

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?*

*Милый друг, иль ты не чувствуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привет?*

Владимир Соловьев

Психодемония

САМИРА ИНСОМНИЯ

Пойдём со мной...

Топ-топ...

Глава первая, в которой разбиваются зеркала

*«— О, нету мне, Лауре, счастья! Душа моя в потёмках, и сердце полыхает, как костёр!
— У неё что-то с сердцем? — шёпотом спросил Константин Улисса. — У них в театре нет врача?»*

— Это метафора, — ответил Улисс.

— А... Никогда не слышал. Какая-то ужасная болезнь?».

Фред Адра. Из книги «Лис Улисс».

— Мне снятся плохие сны. Часто. В последнее время каждую ночь. Я не понимаю, что сплю, и мне очень страшно. Во сне чувствую, как надо мной нависает тень, кто-то смотрит, а я лежу под одеялом и не могу открыть глаза. И пока пытаюсь проснуться, тень смотрит, но не трогает, а когда перестаю бороться, она ныряет в меня, и я просыпаюсь на самом деле. Иногда молюсь, прошу Бога, чтобы до утра мне больше не снились плохие сны, и обычно это срабатывает, но только до следующей ночи.

— Твои родители говорят, что ты часто встаёшь по ночам.

— Да, я хожу курить. Они не знают об этом.

— Тебе пятнадцать?

— Четырнадцать. Так вышло, простите.

Психотерапевт переворачивает исписанную страницу блокнота и задумчиво смотрит на новый белый лист. Асель дёргает ногой, пытаюсь прочувствовать, не слишком ли она откровенна, и не заберут ли её из кабинета в психушку. Она пытается предугадать следующий вопрос доктора и чешет голову, от тугого конского хвоста кожа раздражена.

— Как у тебя складываются отношения с одноклассниками?

Нормально.

— Тебя направили ко мне после инцидента на уроке, верно? Расскажешь?

Асель смотрит в потолок. Лепнина похожа на паутину, а люстра с чёрным абажуром — на паука, который её сплёл.

— Я накричала на девочку.

— Как её зовут?

— Катя. Она хорошая, всегда давала списывать, мы вместе ходили в музыкалку ещё. Просто в тот день у меня совсем не было настроения.

— С чего всё началось?

— Ну... Она что-то рассказывала, а я не хотела слушать. Мы сидели за одной партой, её шёпот слева становился громче и громче, и она требовала внимания, ответа, реакции. Мне было не по себе, очень жарко. И от Кати тоже как будто дуло теплом, как от вентилятора в душевой комнате. И я сорвалась.

— Прости за нецензурную брань, но я приведу твою цитату. Ты сказала: «Надеюсь, твою тупую башку набьют твоей же требухой, мразь, и мухи отложат личинки в твоих глазницах, пока блохастый бродячий пёс будет совокупляться с твоим мёртвым, съеденным червями телом».

Асель ёрзает в кресле.

— Не помню этого.

— Совсем?

— Я помню, что кричала. И всё.

Психотерапевт внимательно смотрит на девочку из-под квадратных очков, пока она трёт друг о друга аккуратные розовые ноготки, издавая приятный стрекочущий звук.

– Фраза пугает своей жестокостью, Асель. И судя по тому, что мне удалось выяснить, тебе не свойственна такая манера разговора. Что ты думаешь об этом?

– Наверное, это не я.

– А кто?

– Мне часто снятся плохие сны. Я не знаю.

Короткий писк таймера оповестил о том, что время сеанса подошло к концу. Психотерапевт осторожно закрыла блокнот.

– Мы встретимся с тобой послезавтра, милая. Ты не против такого обращения?

– Нет, порядок.

– Тогда до встречи. Небольшое задание дам тебе: попробуй сформулировать, кто вместо тебя так обидел Катю. Хорошо?

Асель пожимает плечами и снова чешет голову.

– Пока, – подхватывает кожаный чёрный рюкзак и выходит из кабинета, поправляя задравшуюся футболку на поясице.

Слева – шиномонтажка, справа – спа-салон. Асель оборачивается, глядя на окна офиса психотерапевта, с рекламной растяжкой вдоль фасада об установке пластиковых окон, и думает, что больше в эту дыру не придёт. Понимает, что это во многом отговорка, но ей совсем не хочется делиться мыслями. Её фраза, которую озвучила докторша, забылась, осталось только неприятие и чувство тревоги.

Солнце жжёт, волосы становятся горячими. Асель видит ступеньки, ведущие в общественный туалет, и бежит вниз, чтобы помыть руки и освежить лицо. Внутри чисто, прохладно и пахнет хлоркой. Вода прозрачная, на ободке раковины стоит жидкое мыло с ароматом ромашки. Вылив половину бутылка себе в руки, Асель растирает жидкость меж пальцев, пока та не превращается в душистую пену. А потом громко визжит, хватая бутылёк и разбивает им зеркало.

Кривые осколки сыплются на пол, пластиковая рама шатается как маятник и падает следом. Собрав несколько осколков подлиннее, Асель вкладывает их в книжку по химии и суёт в рюкзак. Затем сбегает, пока никто не пришёл на шум.

В прихожей пахнет мамиными духами, на полу лежат лакированные туфли на тонкой шпильке, каблуками друг к другу. Мама устала, скинула обувь как попало. Асель проходит мимо зеркала, мимолётом смотрит на своё нескладное тело с острыми лопатками, тонкими руками и плоской грудью, цокает и проходит в гостиную. Мама ковыряется в шкафу нагнувшись. Асель шутливо бьёт её по попе.

– Аселя! – возмущается мама, вздрагивая и оборачиваясь. – Нельзя так подкрадываться.

Потом целует дочь в щёку, всё ещё хмурая. Короткие чёрные волосы сегодня завиты в локоны, на лице остатки макияжа. Перед сном она обычно сидит у зеркала и трёт лицо ватными дисками с мицелляркой, открывает баночки с душистыми кремами и что-то тихо рассказывает. Асель любит засыпать под эти мамины ритуалы, иногда совсем не хочется возвращаться в свою комнату.

– Я голодная, – падая на диван звездой, говорит Асель.

– Я тоже, сейчас что-нибудь сообразим. Как сеанс у психолога?

– Психотерапевта. Скучно, – вздыхает Аселя.

Потом видит, что мама берёт с полки стопку белья и, опережая её, бежит в комнату. Достает пачку сигарет из-под вороха разноцветных подушек и прячет в карман халата. Мама приходит позже, начинает стелить постель.

– Солнышко, ты же в порядке? – спрашивает мама, встряхивая плед. – Папа настоял на этих сеансах, всё оплатил, но я надеюсь, что ты и без психолога знаешь, что обзывать нехорошо.

– Ну да, я же извинилась даже. Может, вернём деньги, съездим в выходные в ЦУМ?

– Это так не работает, – не без досады говорит мама. – Давай будем послушными и доходим на дурацкие терапии, ладно?

– Ока-а-ай, – протягивает Асель, снимая светлые узкие джинсы. Вертится в трусах у зеркала, разглядывая худые ноги. – Хочу попу накачать. И грудь.

– Я тебе дам грудь. Иди воду поставь, сварим макароны, я купила жареные рёбрышки и сырный соус.

Асель надевает пижаму и шлёпает босыми ногами на кухню.

Ночью долго слушает музыку в наушниках, то скидывая плед от жары, то накрываясь снова, замёрзнув. Когда чувствует, что сон подступает, скручивает наушники и суёт под подушку, укладываясь поудобнее. В комнате тихо, на полу тарахтит, как трактор, кот. Дрёма накрывает, и мурлыканье затихает. Асель спит, но слышит, как бьётся её сердце. Считает удары, пока тяжёлая тень пробирается к дивану. Она по обыкновению замирает над ней, сердце начинает стучать быстрее. Девушке жарко. Хочет открыть глаза, но веки тяжёлые, пытается пошевелиться, и ей даже кажется, что получается, но тут же понимает, что лежит всё в том же положении, подложив руку под голову. Кости болят, Асель пытается что-то сказать, но только неразборчиво мычит, губы отказываются размыкаться, язык во рту словно опух и потяжелел. Тень наклоняется ближе, парит у самого лица, Асель накрывает ужас, она хочет кричать, горло горит и саднит. Обессилено хныкая, она крепко жмурится. Тень сочится внутрь, через ноздри, уши, через поры кожи и корни волос. Асель открывает глаза, голова болит, в комнате темно и тихо. Она скидывает плед и встаёт.

Глава вторая, в которой вспоминается прошлое

«Мы очень часто умаляем других людей до наших ограниченных представлений о мире». Карен Армстронг. Из книги «12 шагов к состраданию».

Утром Асель завтракает остывшим чаем и булкой с маком, аппетита нет. Мама ходит из ванны в комнату, собираясь на работу, один глаз она накрутила и прервалась на сушку волос.

– Деньги есть на школу? – спрашивает мама, появляясь в кухне и скручивая шнур от фена вокруг держателя.

– Ага.

– Отлично, а то у меня до зарплаты всего ничего осталось. Завтра алименты на карту придут, снимешь?

– Угу.

– Оставлю карту на комод, – мама наливает себе кофе и лезет в шкафчик за сахарницей. – Кстати, ты ничего не разбивала на днях?

Асель замирает, глядя перед собой.

– Нет, а что?

– Нашла утром осколок в спальне у себя, вроде от зеркала, – рассказывает мама, присаживаясь напротив дочери. – Наши целы. Может, Рикки притащил?

– Сто пудов, – Асель наклоняется и ловит рыже-белого кота, лапшащегося у ног. – Где взял холодное оружие, засранец?

– Кот-домушник, – смеётся мама. – Не забудь ему корм насыпать перед уходом.

Подхватив чашку с кофе, она скрывается в гостиной. Асель гладит Рикки по тёплой голове и пытается вспомнить, что случилось после того, как ночью она проснулась. Ничего не помнит.

В школе душно. Все окна в классах открыты настежь, но на улице стоит жуткая жара, ни намёка на дуновение ветра. На доске в кабинете математики кто-то нарисовал зайца с огромными ушами, другой умелец пририсовал ему грудь. До урока ещё десять минут, одноклассники залипают в телефоны, Асель сидит за второй партой и добавляет в плей-лист новые песни. К ней садится Паша Лукин.

– Тебе какой вариант пробника достался?

Асель туго соображает, о чём он. Смотрит в карие большие глаза.

– А?

– Варик какой, говорю? У наших некоторых совпадают. У меня четырнадцатый, – кладёт на стол распечатанный вариант заданий ОГЭ.

Она лезет в сумку, находит там смятые листы, которые не доставала дома.

– Четырнадцатый, – читает номер сверху.

– О-о, нормально, – улыбается Паша. – Значит, с тобой сяду. Ты решала?

– А в чём прикол? Если мы дома могли решить.

– В статистике, Аселька, мы же дэбилы, – хохочет он. – Но дома всё равно никто не решал, кажись. Я забил. Татуху, – добавляет он, довольный каламбуром, и крутит кистью руки, где вокруг запястья красуется на раздражённой покрасневшей коже надпись: «PUNK ROCK». – Как тебе?

– Не слушаю панк.

– А что слушаешь? Ре-е-еп?

– Джа-а-а-аз, – на его манер передразнивает Асель. – Армстронг, Фицджеральд... Говорят о чём-нибудь фамилии?

– О том, что им гласных не хватает.

– Придурок, – улыбается Асель.

Паша симпатичный, хоть и щуплый. У него пепельное мелирование и эстетично выступающие вены на руках, прям как в подборках на пинтересте. Весь урок они смеются над математиком, который орёт на тех, кто пытается списать, и над его мокрыми подмышками, со звонком сдают наполовину решённые задания и вместе идут в кабинет русского языка.

Асель ко всем одноклассникам относится одинаково нейтрально, никогда ни с кем не ссорится, но и не дружит слишком близко. После случая с Катей ей привалило ненужного внимания, всем показалась её ругань жутко забавной – разобрали на цитаты. Но Паша с тех пор, наоборот, держался подальше, поддерживал Катю, и только сегодня немного оттаял. Он играет на гитаре в какой-то группе отбитых рокеров, где все остальные старше него и уже давно окончили школу, часто спорит с преподашей по истории, когда она хвалит Советский Союз и мечтает побывать в Америке, о чём постоянно говорит. Помимо татухи «PUNK ROCK» у него есть ещё одна, между ключиц, с красивой надписью: «nice day for a revolution»¹, и для того, чтобы её всегда было видно, он носит футболки с глубоким вырезом.

Сегодня на нём серая футболка, явно смоделированная лично Пашей: края верхнего выреза неровные, словно кто-то резал ткань тупыми ножницами.

– Ты же к психотерапевту ходишь? – спрашивает он, пока Асель выкладывает из рюкзака учебник.

– Психотера... – привычно хочет поправить она и осекается. – А, да, верно. Откуда знаешь?

– Это моя тётка, она с нами живёт, а на холодильнике её расписание висит.

Асель хмурится, ей не нравится эта новость. Паша это чувствует и добавляет.

– Да я только фамилию прочитал и подумал, что это ты. Она ничего не рассказывает.

– А там нечего рассказывать, понял?

– Не злись, – дёргает он её за прядь волос. – Она и со мной разговаривала, вроде помогло.

– С чего вдруг? – всё ещё дуется Асель, но любопытство пересиливает.

– Невроз вроде был, у меня отец бухарь, мама его тринадцать лет терпела, и вот только в прошлом году выгнала. Я себе тогда и татуху набил первую в честь праздника. Наша маленькая семейная революция, свержение диктатора.

– Это круто, – улыбается Асель.

– Оф корс. Пошли куда-нибудь сегодня вечером? Расскажешь тоже какую-нибудь семейную гниль, выпьем, помянем?

Асель соглашается.

Паша классный. Они покупают шесть маленьких бутылок пива в магазинчике во дворах, где не проверяют документы, и прячутся на старой детской площадке. В домике-грибе из покосенных досок с куполообразной крышей. Жара к вечеру спала, а мимо никто не ходит. Паша открывает бутылки зажигалкой и начинает рассказывать про отца.

Он бывший афганец, как пришёл с войны, так и оказался никому не нужен. Получил бронзовую медаль, две тысячи рублей ежемесячной пенсии и проездной. Начал пить, чтобы забыться, потом увлёкся. Когда родился Паша, немного пришёл в себя, но не надолго. Поколачивал мать, Пашу не трогал, пока тот не подрос и не стал вступаться. Тогда отец принял

¹ Nice day for a revolution – (перевод с английского) хороший день для революции.

его за равного соперника, бил, закрывал в туалете на ночь, поджигал его одежду за непослушание, однажды заставил жевать сигарету, спалив, что сын покуривает. В прошлом году срезал струны с гитары Паши и пытался его задушить. Спас сосед, услышавший, как орёт от страха мать. Заявление в полицию не приняли, но мать прозрела, выгнала мужа и попросила сестру психотерапевта к ним переехать, понаблюдать за сыном. Паша стал нервным и агрессивным и никак не мог прийти в себя, пока не начал сам писать песни. Всю боль и злость вкладывал в текст и музыку, потом чувствовал себя опустошённым, но счастливым.

Асель так понравилась его откровенность, что захотелось ответить тем же. Но в их семье не случилось ничего страшнее, чем развод родителей по обоюдному согласию два года назад. Папа уехал работать на юг. Он рекламщик, а мама менеджер в «Сбере». Все довольны, всё хорошо. Рассказывает это Паше, пожимая плечами.

– А с Катей что у вас произошло? – хмурится он.

– Да ничего, я просто встала не с той ноги в тот день. Даже не помню, что ей наговорила. Она обижается?

– Ну, она тебя боится.

– Я тоже иногда себя боюсь, – усмехается Асель. – У меня проблемы со сном. Ночью снится всякая дичь, утром просыпаюсь слабая и злая. Я рассказывала это твоей тётке, подсмотри для меня, что она там понаписала?

– Да она сама тебе расскажет, когда курс закончите. Ты, главное, не ври ей, всё говори. Увидишь, всё будет супер в итоге.

– Вообще, есть кое-что, что я никому не рассказывала... – смущается Асель, покручивая в руках согнутую крышку от бутылки. – Если пообещаешь молчать, расскажу тебе.

– Перед тобой самый нетрепливый человек в мире, Аселька, – гордо разводит руки в стороны Лукин. – Я ж панк, лютую за вашу свободу вместо вас.

– Хорошо, яжпанк, тогда слушай, – улыбается Асель. – В общем, в начале лета я тусила с одним парнем постарше и попробовала одну тему. Понимаешь?

Он вздёргивает брови. Видно, что вариантов у Паши несколько.

– Да запрещёнку, таблетки какие-то, я ничего не поняла, – спешно объясняется она. – Всего один раз. Мы на озере отдыхали, все попробовали, и я... Было хреново, меня жутко штормило, я видела Мэрилин Монро и Курта Кобейна, клянусь. Они курили травку на крыше моторной лодки у причала.

Паша прыскает в кулак, но старается держать серьёзное лицо.

– И?

– Я была в неадеквате, не помнила, что творила, как себя вела. Мамы дома не было, она иногда остаётся у своего парня. Что? Она в разводе!

– Да мне пофиг, честно. И что дальше-то было?

– Ну, меня вроде привезли домой. Проснулась в своей комнате, а в «вк» видео от этого уроды. Снимали, как меня корчит, как я голая купаюсь в озере и разговариваю с травой, – Асель начинает плакать, хотя планировала держаться. – Я никому не рассказала, но пригрозила, что если видео уйдёт в сеть – его посадят. Вроде никуда не ушло, но мне так обидно было и стыдно, и больно. Короче, с тех пор я постоянно стрессую и иногда сама себя боюсь, потому что в голову лезут мерзкие мысли.

– Какие? – серьёзно спрашивает Паша.

– Разные, – вытирая нос, повторяет Асель, не желая объясняться. – Потом и сны эти ущербные добавились. Мне тяжело, иногда просто хочется разрушать всё вокруг, а иногда – кричать. Может, меня и вправду стоит бояться.

Глава третья, в которой Асель ходит по грани

«На самом деле каждый из нас – театральная пьеса, которую смотрят со второго акта. Всё очень мило, но ничего не понять».

Хулио Кортасар. Из книги «Игра в классики».

Паша врёт, что сильно опьянел и просится к Асель на ночь. Говорит, что тётка унюхает, и ему влетит, но на самом деле Асель понимает, что парень хочет просто её поддержать. Он проникся историей Асель, выпрашивал про мудака, снявшего видео на озере, рассуждал о моральных ценностях и подлости, тёмных пятнах поколения и ещё о всяком, чего девушка и не поняла толком. Где Паша нахватался всех этих лозунгов, она даже представить не могла. Спросила. Сказал, что много читает и свободен от мусорной пропаганды из телевизора, потому что отец когда-то сделал полезное дело и в пьяном угаре его разбил.

– Так что, непустишь?

– Да пушу, конечно. Только без левых движений, понял?

– Каких движений? – кривится он, собирая в пакет бутылки. – Мне шевелиться лень.

Пошли искать мусорку.

В такси они молчат и дышат внутрь футболок, чтобы не распространять пары перегара. Когда доезжают и бегут к подъезду, ржут как кони, вспоминая запотевшие окна и водителя, который несколько раз снял очки и протёр стёкла. Мама дома нет, Асель включает всюду свет и показывает квартиру: где ванна, где кухня, где гостиная.

– Будешь спать тут, – падает она на свой любимый жёлтый диван. – Мама сегодня не придёт, но у нас есть эклеры и вчерашние макароны с сырным соусом. Сойдёт?

– В лёгкую, только подогрей.

– Эклеры тоже? – смеётся Асель, направляясь в кухню.

Паша спрашивает, можно ли у них где-то без палева покурить. Асель отправляет его на балкон и вскоре присоединяется. Сидят на корточках, рядом с её детской коляской в пыльном чехле и папиными рыбацкими принадлежностями.

– Ты классный, – говорит Асель, ощущая, что язык её плохо слушается. – И чего мы раньше не дружили?

Он пожимает плечами.

– Если честно, думал ты скучная. Я смотрел твои подписки в инсте, там столько муты... И фотки все отврат.

– Охренел?

– Да куда столько селфи?

– Иди к чёрту, – смеётся Асель, доставая телефон. Смотрит на свою страницу и хохочет ещё громче. – Всего-то триста пятнадцать.

Паша перебирается к ней, и вместе они чистят однотипные фотографии, смеются над её хэштегами и отписываются от популярных блогеров.

После ужина обоих клонит в сон, но им хочется ещё поболтать. С Пашей Асель спокойно и интересно, кажется, что он ходячая энциклопедия, интересуется всем подряд, а если чего-то не знает – говорит прямо и тут же лезет гуглить, приводит факты, открывая что-то новое и для себя тоже.

Ближе к двум часам Асель идёт в спальню за одеялом, Паша плетётся за ней, едва волоча ноги. Осматривается, трогает её старые игрушки на полке, трёт пьяное лицо у зеркала и замечает картину на стене в резной деревянной рамке.

– О, у нас такая же висела. Пережиток Совка, что ли?

Асель оборачивается, смотрит на поле, усыпанное разноцветными, незнакомыми цветами, и пожимает плечами.

– Кто-то подарил маме, не знаю. По-моему, красиво.

– Тебе нравится?

– Ну да, – Асель вручает Паше одеяло и становится рядом, присматриваясь к акварельным мазкам. – Смотри внимательно, здесь нет двух одинаковых цветков.

Паша щурится, подходит ближе, глаза его мечутся от одного цветка к другому.

– Кстати, да. Прикольно. Интересно, на нашей тоже так было?

– А куда она делась?

– Да не знаю я. Ладно, пошёл спать, – он оборачивается, на уставшем лице появляется озорная улыбка. – Поцелуешь?

– Иди уже отсюда, – краснея, выталкивает она его из комнаты и закрывает дверь. Высывается и добавляет в спину удаляющейся долговязой фигуре. – Нам надо встать раньше, чем мама придёт, так что как начну будить, сразу вскакивай, понял?

– Окай, мой генерал!

– Мне грустно, и я не знаю причины. Её попросту нет. Иногда совсем не хочется шевелиться, разговаривать с кем-то, слушать и смотреть. Не замечаю, как течёт время. Смотрю на часы – вроде утро, смотрю через минуту – уже полдня прошло. Я не отключаюсь, но не могу чётко вспомнить, чем была занята. Недавно расплакалась, когда мама прислала фотографии из магазина и спросила, какое платье ей выбрать. Я не могла помочь, просто не в состоянии была сказать: «Вот это». И плакала. Немного легче становится, когда понимаю, что я не одна такая, не сломанная и не тронутая на всю голову. Вчера болтала с человеком, у которого в жизни случались мерзкие ситуации, похуже того, что бывало со мной. И он справился, нашёл во всём случившемся плюсы, переборол тьму внутри. Эта история меня немного вдохновила, и ночью даже не снились кошмары.

– Кто этот человек? – спрашивает психотерапевт, отвлекаясь от записей.

– Мой ровесник, – уклончиво отвечает Асель, но ёрзает в кресле перед тётей Паши.

– В начале года ты ездила в горный лагерь с победителями олимпиад, взяла два первых места по физике и математике, участвовала в конкурсе талантов от школы, пела на открытии спортивного комплекса и завела музыкальный канал на ютубе. Скажи, такая активность для тебя норма? Или это скорее исключительный период?

– Я даже не знаю.

– А если подумаешь?

– Не знаю я, – качает головой Асель. – Не могу ответить, не спрашивайте.

– Хорошо. Скажи, слышала ли ты что-нибудь о биполярном расстройстве личности?

– М-м... Это когда ты утром Асель Алиева, а вечером Наполеон?

– Нет, – улыбается психотерапевт. – Это психическое состояние, при котором человек испытывает экстремальные колебания ментального здоровья от маниакального до депрессивного. В период маниакального обострения он сворачивает горы, чувствует эйфорию, непривычно активен и счастлив. Но за маниакальным эпизодом следует депрессивный, и чем активнее человек был в период мании, тем сложнее будет симптоматика полярного эпизода.

– И у меня вот это, да? Биполярка?

– Биполярное расстройство очень сложно диагностировать. Но мы тут как раз для того, чтобы разобраться, что с тобой происходит. И что бы это ни было, я помогу тебе, обещаю.

Асель и Паша, не сговариваясь, прилипли друг к другу. Утром он заходит за ней перед школой. Пока она собирается, сидит в кухне с мамой, рассказывает о своей музыке, о любви к самовыражению. Маме он нравится, она с интересом слушает его истории. Расспрашивает про татуировки, про группу, про семью. Оказывается, мама знакома с его тётёй, они вместе учились в школе и картину, что висит теперь в комнате Асель, подарила как раз тётя Паши Ольга Николаевна после встречи выпускников, в марте. По дороге в школу Паша и Асель не могут перестать смеяться, разгадав загадку исчезновения картины из дома Лукиных.

Май выдался максимально жарким, больше похож на август где-нибудь в средней Африке. Учителя вовсю грузят студентов перед государственными экзаменами. Даже на перерывах не отпускают, пытаются засунуть в сопротивляющиеся головы хоть немного необходимых знаний. Обеденное время сократили, количество уроков, наоборот, возросло.

Паша неплохо справляется с нагрузкой и как может, тянет Асель. Вечерами они вместе решают тестовые задания, гоняют друг друга по билетам и рассуждают о выборе будущей профессии. Асель любит точные науки, но жизнь свою с ними связывать не хочет. Но и творчество, музыка, сейчас совсем не вдохновляют. Она мнётся и вздыхает каждый раз, не в состоянии сделать выбор. Паша же хочет податься в политику, собирается поступать после одиннадцатого в Вышку и зовёт с собой Асель. Она не хочет.

В один из таких учебных вечеров, когда ребята сидят в комнате Асель на полу и решают тесты по химии, Паша лезет за учебником, путает книги и берёт ту, что принадлежит Асель. Он видит меж листов спрятанные неделю назад осколки разбитого зеркала и хмурится.

– Это что?

Асель пытается забрать у него учебник, но он держит крепко, осколки падают на ковёр, а обложка трещит по швам.

– Охренел? – вспыхивает Асель.

– Дура, что ли? Я просто спросил, что это!

– Твоё какое дело?

Паша подбирает десяти сантиметровые острые осколки и смотрит на своё в них отражение.

– Ты просто можешь сказать, зачем таскаешь это с собой? Соврала бы что-нибудь, в конце концов! Брови щипаю, скажи!

– Отвали.

– Или зарезать кого-то хочешь?

– Да, тебя! Отвали, говорю! Вообще, выметайся, понял?

Асель вскакивает, роняя тетради с колен, и тянет Пашу за руку. Он не сопротивляется, но смотрит на неё с большой тревогой.

– Мне уйти, правда?

– Да, вали! – толкает его в плечо к двери.

Паша резко подхватывает рюкзак, кладёт осколки на полку с косметикой и вылетает из комнаты. Асель слышит, как он спешно прощается с мамой и хлопает дверью. Она вскоре появляется в комнате, вытирая мокрые руки полотенцем.

– А что случилось? Я, вообще-то, пиццу вам готовила.

– Отстань, мам, – на последних крохах самообладания выдавливает Асель и закрывает перед её носом дверь.

Падает на диван, и её накрывает неконтролируемым цунами из слёз.

Ночью тень ведёт себя странно. Она в хорошем настроении, игривая. Летает вокруг Асель дольше обычного, касается открытых пяток, оплетает невесомой темнотой шею, долго лежит на груди, как домашний питомец, уснувший на хозяине. Всё это время Асель молча кричит, так громко как никогда, но совсем беззвучно. Холодный пот течёт по груди, оставляя мокрые следы на зелёной пижамной майке. Оцепенение тела причиняет физическую боль, а внутренний пожар повышает температуру в комнате.

Асель борется до последнего и только под утро, когда за окном брезжит туманный рассвет, она, изнеможённая, пускает тень внутрь и просыпается. Перед глазами плавают круги, тяжёлые веки норовят опуститься. Сидя на мятой горячей простыни, она вытирает мокрую шею ладонями. Дверь в комнату приоткрыта, в тёмном проёме показывается рыже-белая голова Рикки. Он проголодался, мяучит.

– Кс-кс-кс, – устало зовёт кота Асель и улыбается.

Глава четвёртая, в которой, казалось, брезжит рассвет

«– В аду огня нет.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я был там. Хотел прикурить, просил огня, они не дали. Сказали, каждый попадает сюда со своим».

Симона де Бовуар. Из сборника «Очень лёгкая смерть».

Мама провожает Асель до школы. Рано утром накрапывал долгожданный дождь, к выходу успокоился, но небо всё ещё затянуто тучами. Асель ёжится от холода в тонкой ветровке, пока мама переходит от столба к столбу со стопкой листов.

– Почему не пошла вчера к Оле? – спрашивает она хмуро.

– Оле?

– Ольге Николаевне. Она звонила, сказала, ты пропустила сеанс. Я же оставила деньги на такси.

– Мне не хотелось никуда идти.

– Ох, солнышко, надо. Там осталось-то всего ничего. Папа каждый день звонит, спрашивает, ждёт результата. Ты же хочешь поехать к нему летом на море?

– Я даже не знаю.

– Ну как? Надо отдохнуть после экзаменов. Ты же любишь купаться, загорать. Дай новый клей, он у меня в сумке, в боковом кармане.

Асель копается в сумке на плече мамы, вытаскивает тюбик и протягивает ей.

– Оля перенесла вчерашний сеанс на сегодня, на то же время, так что после школы она тебя ждёт, хорошо?

– Ладно, – Асель снова чешет голову, зуд с самого утра замучил.

– А что там с Пашей? Вы помирились?

– Мы не встречаемся, ма-ам.

– А я и не говорю, что вы встречаетесь. Друзья что, не ссорятся?

– Нет, – грустно вздыхает Асель, принимая тюбик из рук мамы и закручивая крышку.

Мама смотрит на время в телефоне, потом на дочь, замечает её почёсывания и обеспокоенно хмурится.

– Что там у тебя, а ну-ка? Аселя, ну не чеши ты так, болячки вон уже. Вечером куплю шампунь для чувствительной кожи, а пока не трогай голову. Всё, я побежала.

Целует дочь в щёку и бежит на противоположную сторону улицы, к остановке. Асель провожает её взглядом, затем смотрит на столб, где висит объявление о пропаже Рикки, с просьбой вернуть кота за вознаграждение. Отворачивается и спешит в школу.

Опоздала, урок уже начался. Асель проходит к задней свободной парте и роняет рюкзак на пол, сил совсем нет. Паша сидит с Катей, на неё даже не посмотрел. Катя что-то ему постоянно нашёптывает, а Лукин меланхолично водит ручкой по листу, как будто рисует.

Время тянется, как резиновое. Объяснения учителей непонятны, словно они говорят на неведомом языке. Вопросы в класс звучат несуразно. Разве кто-то что-то понимает, вообще? Но остальные, кажется, в теме, и только Асель весь день смотрит в стол бессмысленным взглядом и пытается уловить собственное скользящее сознание. Но оно как мыло в мокрых руках.

Забив на последний урок истории, Асель сбегает из школы. До офиса психотерапевта обычно едет на такси, но сегодня зачем-то решает пойти пешком на другой конец города. В метро лениво рассматривает пассажиров, пытается запомнить лица, немного прийти в себя.

Выходит из подземки и попадает под проливной дождь. Бежит по лужам, глядя себе под ноги, огибая прохожих, и прячет телефон под курткой, чтобы не намок.

Ольга Николаевна встречается её с чаем. На столике стоят две чашки и вазочка с конфетами «Красный мак».

– Так и знала, что ты промокнешь, милая, – психотерапевт забирает у гостьи влажную ветровку и вручает большое пушистое полотенце. – Вытирайся. Ты без зонта шла?

– Без.

– Прямо как наш Пашка. Это мой племянник, звонила сейчас сестра. Говорит, прибежали с одноклассницей мокрые, как бездомные котята из лужи, она их тоже сейчас чаем отпаивает, – Асель вздрагивает и смотрит на психотерапевта, но она не замечает, разливая кипяток по чашкам. – Почему ты вчера не пришла?

– Плохо себя чувствовала.

– Садись, милая, – указывает она на кресло напротив себя. – Пей чай, согревайся. Сегодня я хочу поговорить о твоей маме. Расскажи, как складываются у вас отношения?

– Ну... Хорошо.

– Какая она?

– Заботливая. Мы дружим.

– Насколько ты с ней откровенна? Ты говорила, что куришь, и мама не знает об этом. Чего ещё она не знает о твоей жизни?

– Много чего, хотя я ей доверяю, но иногда боюсь расстроить. Поэтому молчу. Это плохо?

– Нет, это очень распространённое поведение детей. А о твоих снах она знает?

– Конечно, нет. Она разволнуется, будет спать со мной, а я не хочу этого.

– Почему?

– Потому что... – Асель задумчиво крутит в руках чашку, не чувствуя, как жжёт горячий фарфор пальцы. – Потому что это не понравится Тени.

– Тень, которая каждую ночь приходит к тебе в сон?

– Не каждую ночь, на время она пропала, я хорошо спала. Но вчера пришла снова.

– И ей не понравится, что ты спишь в комнате с мамой?

– Она может причинить ей вред.

Ольга Николаевна быстро что-то записывает в блокнот, но Асель безразлично. Она так обессилена, что не в состоянии контролировать поток откровенности.

– Тень агрессивна?

– Не знаю, не уверена.

– Но как тогда она причинит вред твоей маме?

– Я не знаю, это сложно объяснить. Ко мне она не агрессивна, но есть ощущение, что к маме будет. Потому что Тени нужна я, а не мама.

– Зачем ты нужна Тени?

– Она хочет подружиться.

– Но ты против?

– Против.

– Почему?

У Асель нет ответа на этот вопрос. Она вспоминает тяжесть на груди и ласковое объятие, понимает, что это не должно пугать, но внутри всё горит от одной мысли принять эту дружбу. Это неправильно. Пока она сопротивляется, как бы это ни было сложно, Асель чувствует себя собой. Психотерапевт долго ждёт её ответа, но в итоге продолжает сама.

– Давай, ты попробуешь подружиться с Тенью, милая? Быть может, тогда она уйдёт?

Асель неуверенно кивает.

Едет домой после трёхчасового сеанса на такси, когда улицы окутала темнота, разрезаемая лучами ночных фонарей. Асфальт мокрый, у подъезда Асель долго смотрит на отблески оранжевого света в луже, пока её локтя не касается чья-то рука. Она не вздрагивает и оборачивается, смотрит на поникшего Пашу. Светлые пряди волос парня слиплись от дождя, чёрные буквы между ключиц на бледной коже выступают особенно ярко в полумраке.

– Слушай, я вообще не про то, чтобы вот так глупо перестать общаться. Это деструктив какой-то.

– А?

– Неправильно, говорю. Объясни, чем я тебя обидел? Я же просто спросил.

Они садятся на холодную металлическую ограду, за которой цветут розы в клумбах из старых автомобильных шин.

– Рикки пропал, – говорит Асель, глядя на сложенные на бёдрах кисти.

Ей не хочется разговаривать о ссоре, чувствах, но волнение за Рикки рвётся наружу, особенно сейчас, в темноте. В темноте есть место откровенности.

– Ого. Когда?

– Вчера. Мы утром выпускаем его на улицу погулять, но к обеду он всегда возвращается. Мама думает, что вчера его выпустила я, но я этого не делала.

– Может, она сама выпустила?

– Нет. Она очень любит этого кота, запомнила бы. Я видела его в то утро, а потом легла спать.

Паша не понимает, к чему клонит Асель, пытается разобраться.

– Хорошо, может, он сам сбежал?

– Дверь закрыта была.

– Через окно? Вы живёте на шестом этаже, но для кошки это норма. Мог спрыгнуть и убежать, перепугался.

– Нет, это я что-то сделала, – тихо шепчет Асель, позволяя своему страху облачиться в слова. – Мне ночью опять кошмар снился, я после этого всегда сама не своя.

– Что ты сделала? Съела его? – усмехается Паша, но видит, что Асель не смешно и добавляет. – Глупости. Я тоже как увижу какую-нибудь дичь во сне, чувствую себя не в своей тарелке. Но это нормально. Вы объявления расклеили?

– Расклеили.

– Вот и супер. Может, найдётся. Не раскисай, Аселька, – Паша берёт её холодную ладонь в свою и подносит к губам, осторожно целует.

– Просто это самый классный кот на свете...

– Тогда он точно вернётся к самой классной хозяйке на свете, спорим? Зайду завтра за тобой в школу?

– Ладно, – улыбается Асель, сжимая его пальцы в своих.

Глава пятая, в которой ничего не изменить

«Говорят, труднее всего прожить первые семьдесят лет. А дальше дело пойдёт на лад».
Эрих Мария Ремарк. Из книги «Три товарища».

После ужина Асель с мамой лежат в гостиной на диване и смотрят на ноутбуке старую чёрно-белую комедию «В джазе только девушки». Когда раздаётся звонок маминого телефона, гангстеры бегают по отелю за переодетыми в женщин свидетелями их преступления. Асель интересно, чем всё закончится, но вдруг она замечает, что мама смотрит на неё. Без улыбки, озабоченно и пристально, хотя продолжает внимательно слушать собеседника.

– Угу. Да, я всё понимаю. Конечно. Хорошо, я попробую. Спокойной ночи, спасибо.

Асель продолжает делать вид, что увлечённо смотрит фильм, мама садится рядом и закрывает крышку ноутбука, что лежит на животе дочери.

– Солнышко, звонила Ольга Николаевна.

Внутренности Асель завязываются в тугой узел.

– И?

– Она говорит, что у тебя есть проблемы, – голос мамы мелко дрожит, но она держит себя в руках. – Советует нам полежать в больнице, принимать таблетки под присмотром врачей.

– В психушку? – ослабевшим голосом спрашивает Асель.

– Не говори так, ты не психованная. Ты нормальная девочка, с проблемами, это распространённое заболевание, а не отклонение. Когда у человека ангина, он лежит в больнице и лечится, когда у человека болит душа, тоже нужно полежать в больнице и полечиться.

– У меня ничего не болит.

– Ольга Николаевна не имеет права рассказывать мне о ваших сеансах, но, видимо, ты делилась с ней чем-то, что помогло распознать заболевание. Не хочешь мне что-нибудь рассказать?

Асель качает головой, вытирая набегающие в глазах слёзы.

– Иди ко мне, моя любовь, – крепко обнимает её мама, укачивая в руках. – Ты моё самое большое счастье, моя доченька, моё солнышко. Самая красивая, умная, добрая. Мы со всем справимся, слышишь? Я больше ни на шаг от тебя не отойду. Если ты не хочешь в больницу, я откажусь, хорошо?

– Я не знаю, мам, – всхлипывает Асель. – Не знаю...

Они ещё долго лежат в обнимку, молчат, и обе тихо плачут. Только ближе к полуночи расходятся по своим комнатам. Асель долго смотрит в потолок, боится закрыть глаза и встретиться с Тенью. Вспоминает совет Ольги Николаевна подружиться с ней, обдумывает. Быть может, это и есть решение проблемы? Ведь до того, как появилась Тень, Асель хорошо себя контролировала. Да, грустила, но умела вовремя взбодриться, находила утешение в хобби, в общении с мамой и одноклассниками. И хотя после предательства парня на озере ей стало сложнее бороться с внутренними демонами, она всё равно не погружалась в такие пучины мрака и не боялась саму себя. Быть может, если подружиться с Тенью, она действительно успокоится и уйдёт? Не нужно будет ложиться в больницу и расставаться с мамой. А Паша? Если он узнает, что она в психушке, то наверняка больше никогда на неё не взглянет.

Образ белобрысого гитариста всплывает перед внутренним взором. Он усмехается на одну сторону, привычно запускает в волосы длинные пальцы, и что-то беззвучно говорит. Какие-то свои заумные речи, в которых больше смысла, чем во всей жизни Асель. Девушка закрывает глаза. Она уже всё решила и впервые с тех пор, как познакомилась с Тенью, не боится её, а ждёт.

Оцепенение не приносит боли, потому что Асель не сопротивляется. Тень, предвкушая долгожданный момент единения, медлит, растягивает удовольствие. Она кружит по комнате и, наверное, хохотала бы, если бы умела. Зависнув над неподвижным телом девушки, она ласково целует её в лоб прохладным прикосновением. Асель поднимает веки, и густая темнота ныряет в её глаза, как в бездонное озеро, целиком.

Они тихо смеются.

Паша звонит в дверь четвёртый раз и возвращается к перилам, облакачивается на них и снова смотрит на непрочитанные сообщения в Телеге. Набирает Асель по кругу несколько раз, слышит звонящий за дверью телефон и немного начинает паниковать. Настолько, что дёргает за ручку двери в надежде, что там открыто. Но нет. И когда он отпускает ручку со своей стороны, она резко опускается с другой, в замке шумит ключ, и в дверном проёме появляется лохматая голова Асельки. Длинные волосы спадают на одно плечо, она улыбается.

– Приве-е-е-ет.

– Ты что, транквилизаторов наглоталась? Я тебе сто раз позвонил.

Асель открывает дверь настежь. Она стоит в белой футболке до бёдер, но без штанов. Он смотрит некоторое время на худые ноги девушки и просто моргает.

– Заходи! – радостно возвещает Асель, отскакивая в сторону с поднятыми руками, не чувствуя ни капли смущения.

Паша снимает кроссовки, Асель шлёпает в кухню босыми ногами. На столе он видит глубокую тарелку, разделочную доску с помидорами и большой нож. Асель включает чайник, напевая себе под нос «Summertime». Красиво тянет джазовую партию и, немного пританцовывая, возвращается к нарезке помидоров.

Паша заходит в кухню и оглядывается по сторонам.

– А где твоя мама? На работе уже?

– Не, она приболела, так что т-с-с-с, – снова улыбается девушка, нарезая овощ.

– А что случилось?

– Мигрень. Голова просто «бах»! – она нажимает на помидор, и из него лезет алая мякоть. – Раскалывается.

– Я смотрю, тебе весело... – хмурится Паша, присаживаясь на стул.

Чувство тревоги рождается внутри и тихонько кусает, но он отмахивается.

– Я впервые чувствую себя так хорошо, – мечтательно закатывает глаза к потолку Асель. – Это просто эйфория какая-то, лёгкость и сила. М-м-м, восторг!

– Почему?

– Потому что, потому! – смеётся она, нож соскальзывает с помидора и ранит большой палец. – Ай!

Кровь сочится из длинного пореза, Асель кладёт палец в рот, хмурия тонкие брови.

Паша хочет подойти, оценить масштаб трагедии, но какая-то неведомая сила будто пригвоздила его к стулу. Он смотрит, как Асель останавливает кровь, трясёт рукой и вытирает её о футболку.

– Может, принести бинт? – спрашивает Паша.

– Ты такой заботливый, – мило улыбается девушка. – Но не надо, это ерунда.

– Я всё-таки...

– Я же сказала, нет! – вскрикивает Асель, и чувство тревоги в груди Паши начинает кусаться острее и больнее.

Асель это как будто чувствует, сладко потягивается, демонстрируя чёрное нижнее бельё под задравшейся футболкой, а потом вальяжной кошачьей походкой идёт к Паше.

- Ты какой-то не такой сегодня, – проводит она рукой по его волосам, царапая ухо.
- Я не такой? Да это ты штаны с утра надеть забыла.
- Ой, ещё скажи, что тебе не нравится.

Сжав светлые волосы в ладони, Асель запрокидывает Пашину голову, наклоняется и целует в губы. Он невольно закрывает глаза, пока девушка усаживается к нему на колени, запускает руку под футболку, лаская кожу на спине. Но неуёмное чувство тревоги перебивает накатившее возбуждение, и он отстраняет девушку от себя. Смотрит в узковатые тёмно-карие глаза, пока Асель облизывает губы, и пытается понять, что происходит.

Асель ему нравится, симпатичная внешне, интересная, с непростым характером, но это только подогревает интерес. Паша любит с ней разговаривать, каждый её ответ на вопрос особенный, не такой, какой ожидаешь услышать. Это веселит, интригует и заставляет его снова и снова писать ей, звонить и приходить к её квартире, чтобы проводить в школу. Думал ли он, что они с Асель могут стать парой? Да, иногда, но в далёком будущем. Потому что Паша не рисуется, когда рассуждает о свободе, политике, карьере и успехе. Он чувствует особенную миссию для себя в этом мире, хочет стать кем-то большим, чем музыкантом неизвестной группы, кем-то большим, чем татуированным пацаном с громкими речами. И меньше всего в картину этого мира вписываются ранние серьёзные отношения, а с Асель он видит только такие, и чувствует, что она его без слов понимает. До этого момента чувствовал...

- Зачем?
- Что зачем? – обжигает горячим шёпотом его щёку Асель.
- Я думал, мы друзья.
- А ты не знал, что не бывает дружбы между парнем и девушкой?

Она снова его целует, перекидывает ногу через его бёдра и садится ближе, обнимает вокруг торса. Паша кладёт руку ей на шею, прижимает к себе девушку, потому что не железный. Тревожный голос внутри вопит, но парень его не слушает.

Асель отрывается от его губ, переплетает их пальцы и встаёт, утягивая Пашу за собой из кухни. Парень идёт как на поводке, по коридору мимо ванны, где горит свет, и замечает краем глаза на белой раковине красные разводы. Несколько нечётких полос вдоль ободка, похожих на следы от рук. Его прошибает холодный пот, и туман возбуждения снова рассеивается, уступая место жгучему страху.

Он быстро отворачивается и через силу улыбается Асель. Понимает, что происходит нечто ужасное, но интуиция подсказывает, что действовать надо тоньше. И хотя в висках стучит кровь, а в руках рождается мелкая дрожь, он идёт за Асель в её комнату, не привлекая внимания.

- Ты же сказала, твоя мама дома, – ловит он её за талию в спальне, уворачиваясь от поцелуев.
- Она спит, – хихикает Асель. – Не переживай, не встанет.
- Уверена?
- О да-а-а... Стой здесь, я сейчас, – быстро поцеловав парня, она вприпрыжку выбегает из комнаты.

Паша в ужасе хватается ладонями за щёки.

– Так, спокойно, – шепчет он. – Спокойно... всему есть объяснение. Должно быть. Ну же...

Он вспоминает свой последний визит в этот дом и осколки зеркала в книге по химии, кидается к полке и видит, что осколок лежит, но только один. Второй исчез. Берёт его и прячет в задний карман джинсов.

На столе лежат книги Асель, тетради и телефон. Паша ищет взглядом таблетки, хоть какие-нибудь, но не видит даже аспирина. Лезет в комод, переворачивает её вещи, находит пачку сигарет с зажигалкой внутри, да и только. На подоконнике замечает ключи с большим

брелоком в виде черепахи, в связке их несколько. Когда берёт их, слышит за спиной голос Асель.

– Что ты делаешь?

Она остановилась в дверном проёме и смотрит настороженно. От былой игривости не осталось и следа. Асель щурится и медленно входит в комнату.

– Где твоё мама? – дрогнувшим от страха и одновременно накотившей храбрости голосом спрашивает Паша.

– Спит. Я тебе уже несколько раз это сказала.

– Можно посмотреть?

– Это неприлично.

– Асель... Сейчас же отведи меня в комнату твоей мамы, иначе я звоню в полицию.

Она хмыкает, смотрит в потолок, словно взвешивает за и против, а потом отходит в сторону, пропуская Пашу.

– Пошли.

– Иди впереди.

Асель неохотно разворачивается, как будто её отправили мыть посуду, а она не хочет. Идёт по межкомнатным коридорам, снова напевая «Summertime», останавливается возле двери, поворачивает ручку и толкает её от себя. Паша ничего не видит, медленно подходит ближе, останавливается на пороге и громко в ужасе выдыхает. Мама Асель лежит на полу, лицом вниз, из кровотокащего виска торчит осколок зеркала. Лужа крови настолько большая, что затекла под кровать. На белой простыни тоже алые следы. Паше становится тяжело дышать, перед глазами всё кружится. Он не контролирует мышцы лица, не может закрыть рот, пока спешно бежит внутрь комнаты, падая на колени перед телом, пока ищет на шее, на запястьях пульс, которого нет.

– О Господи... О Господи... – шепчет он.

– Да она на нас вопила! – возмущается Асель, разводя руки в стороны.

Стоит над Пашей, глядя сверху вниз на маму, как на досаждающую ей муху, что летала по комнате и жужжала.

Паша вскакивает на ноги и вытаскивает из кармана осколок, выставив его перед собой, шагает назад, пока не упирается поясницей в подоконник.

– На вас?

– Бэ-э-э, – высовывает язык Асель. – Проговорились.

– Асель... Что происходит? Что ты наделала?!

– Не вопи на меня!

– Кто ты? – в ужасе щурится он.

– Какой же ты скучный ублюдок, дьяво-о-ол, – закатывает она глаза к потолку, кривляясь. – Иди отсюда. Давай, пока цел, выметайся! Мы думали, ты весёлый!

Паша действительно направляется к двери, не поворачиваясь к Асель спиной. Не сводит с неё взгляда, пока девушка смотрит в зеркало, поднимая волосы в хвост, затем начинает плести косичку. Он не знает, как правильно поступить, не понимает, что происходит. Видит тело на полу, но не верит, что это наяву. Во рту пересохло, песня Асель доносится как из бочки. Паша останавливается в дверях, не в силах просто так бросить её.

– Ты понимаешь, что произошло, Аселька? – сквозь ком в горле выдавливает он. – Ты убила её. Насовсем.

– Да что ты говоришь, – смеётся она.

– Она больше никогда тебя не обнимет. Ничего не расскажет. Вы вместе не поедете в боулинг. Помнишь, ты рассказывала? Как мама добивала за тебя кегли своим шаром, а если оставались те, что не упали, бежала по дорожке и толкала их руками? Этого больше никогда не будет. Ты не откажешься от прогулки со мной, потому что мама жарит пирожки.

– Она так редко и так вкусно готовит... – задумчиво повторяет Асель свою же фразу из их недавней переписки.

– Да. Так редко, и так вкусно.

Асель оборачивается и смотрит на тело, потом качает головой.

– Выметайся! – до визга вскрикивает она и хватает с тумбы вазу.

Вместе с подсохшими цветами запускает её в Пашу, он уворачивается, и ваза разбивается об стену.

– Насовсем, Аселька, – повторяет Паша, отступая.

Сколько бы он ни храбрился, осознание опасности не отпускает. Находиться с Аселей в одном помещении – самоубийство. Паша бежит в комнату девушки, забирает ключи, которые бросил на стол и вылетает из квартиры. Заперев дверь на все замки, всхлипывая, бежит вниз по лестнице, на ходу вытаскивая телефон.

– Тётя Оля, случилось кое-что ужасное.

Глава шестая, о полёте и приемнике

«Пока человек жив, ничего не пропало. Из любой ситуации всегда есть выход, причём не один, а несколько – и кто ты такой, чтобы оказаться первым человеческим существом во Вселенной, попавшим в действительно безвыходную ситуацию?!».

Макс Фрай. Из книги «Гнёзда Химер. Хроники Хугайды».

– Занудная скотина, выродок, тварь, грязь... Откуда же вас таких только берут, как с конвейера? – Асель идёт к двери и дёргает ручку. – Ублюдок!

Ударяет по входной двери, вскрикивает и скачет на одной ноге, потирая ушибленные пальцы.

– Всё испортил. Такой день! Ну, ничего, мы тебе устроим...

Она решительно направляется в свою комнату, стягивает с дивана постельное бельё вместе с подушками, поднимает простынь и скручивает её в жгут. Смотрит в потолок, идёт по комнатам, задрав голову, потом психует и швыряет белую ткань в угол. Минуту стоит, раздумывая, тяжело дышит и медленно расплывается в улыбке. Она возвращается в комнату, как по ступенькам поднимается сначала на диван, потом на подоконник, открывает окно, позволяя ветру вцепиться в вялые косы. Высоко поднимает руки над головой и закрывает глаза. Внизу кто-то её замечает и что-то кричит, долетают только обрывки слов, и ничего не понятно. Асель оборачивается, окидывает комнату взглядом и замечает на столе шампунь для чувствительных волос, который вчера вечером купила мама. Взгляд перебегает в тёмный коридор, откуда веет мокрым тоскливым холодом. Она слышит голос Паши, эхом отзывающийся по квартире и в голове: «Насовсем»...

– Всё кончено, – шепчут непослушные, словно чужие губы.

Что именно кончено Асель не понимает. Она стоит на подоконнике в состоянии, похожем на внезапное пробуждение. Вязкие мысли лениво фильтруются на выдуманные и реальные, но грани смыты, ничего не получается. Её охватывает паника. Перед глазами пролетают кадры сегодняшних ночи и утра, Асель хватается за голову, сжимает её, словно желая сдержать набухающий череп, чтобы тот не разлетелся на куски, и чувствует, как под пальцами кто-то копошится. Она трясёт рукой, с волос на плечо, извиваясь, падает толстый белый червь. Она вскрикивает, наверное, навсегда распрощавшись с голосом, трясёт волосами, осыпая подоконник кольчатými личинками. Обессиленно мычит сквозь плотно сжатые губы и бросается с шестого этажа вниз головой.

Десять дней спустя.

Ольга Николаевна с большой сумкой на плече вошла в квартиру. Дверь была открыта, в коридоре горел тусклый свет. Она прошла мимо занавешенного чёрной тканью зеркала, кивнула людям, тихо переговаривающимся за чаем в кухне, и остановилась возле спальни. На столе стояла фотография Асель и её мамы, обе улыбались, похожие как две капли воды. Нижний угол украшала траурная чёрная лента.

Вздохнув, Ольга направилась в гостиную. На жёлтом диване, понурив голову, сидел мужчина лет сорока, с чёрными волосами с проседью. Нетронутый чай на столике перед ним давно остыл, на коленях он держал рыже-белого кота с янтарными глазами, меланхолично почёсывая его за ухом.

– Ратмир Ильясович? – он поднял уставшее лицо к собеседнице и осторожно кивнул. – Меня зовут Ольга, я была психотерапевтом вашей дочери.

– А... – потерянно протянул он. – Да, я помню. Здравствуйте.

Ольга села на край дивана и сжала предплечье мужчины в сочувствующем жесте.

– Примите мои искренние соболезнования.

– Спасибо, – кивнул тот.

– Мне так жаль, правда... Мы не успели буквально немного. Накануне я звонила вашей жене и рекомендовала положить Асель в больницу, под наблюдение. Утром всё и случилось.

Ратмир плотно сжал губы, не зная, что ответить и часто заморгал.

– Надо было забрать её с собой, – просипел он. – Я хотел, но они с Дианой были так привязаны друг к другу. Не хотели разлучаться. Вот и ушли вместе...

– Не вините себя. Психика человека – тончайший инструмент. Вы не угадаете, что могло случиться, если бы Асель уехала с вами. Этого никто не знает. Она была очень доброй, чувствующей по-особенному этот мир, девочкой.

– Ваш племянник видел её последним, верно? Так сказала полиция.

– Да, – тяжело вздохнула Ольга. – Я и не знала, что они близко дружили.

– Как он?

– Будем работать, – поджала губы Ольга. – Ему тяжело сейчас.

– Пусть приходит, – вытирая мокрые щёки мужественным резким движением, сказал отец Асель. – Я не видел его на похоронах, но хочу поговорить. Хочу послушать, понимаете? И, быть может, нам обоим станет легче.

– Я обязательно ему передам.

Кот тряхнул головой и соскочил с коленей Ратмира. Подняв хвост, важно направился из гостиной, протяжно мяукая.

– Где вы нашли Рикки? Я видела объявление о его пропаже по району.

– Сидел в подвале, – нахмурился Ратмир. – Увидел, когда спускал велосипед Аселькин. Кто-то закрыл его в нашем отсеке, оставил воду и корм. Девочки любили этого кота, я не очень, но теперь это всё, что у меня от них осталось.

Ольга ещё раз пожала руку мужчины и поднялась с дивана. Ратмир этого и не заметил, погрузившись в печальные раздумья. Прежде чем уйти, Ольга снова вернулась к комнате Асель, остановилась у стены и сняла с плеча сумку.

– Привет, моя хорошая, – улыбнулась Ольга картине с изображённым на ней полем из самых разных, прекрасных цветов.

Обернулась, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, осторожно сняла полотно со стены, открыла сумку и опустила картину туда. Застегнула молнию и спешно покинула дом.

В их доме тоже царила траурная атмосфера. Ольга и не заметила большой разницы между квартирой двух покойниц и их собственной. Сестра что-то жарила на кухне, тихие шипящие звуки кипящего масла разбавлялись скрежетом приборов о сковороду. Прислонив сумку к стене, Ольга сняла ботинки и заглянула в маленькую, чистую кухоньку.

– Леночка, я дома.

– Ой, – вздрогнула невысокая худенькая женщина с большими карими глазами, похожими на Пашины. – Напугала меня. Я нервная такая, ужас один.

Она сняла фартук и протёрла им вспотевшее лицо.

– А чего нервничаешь?

– Ну а как же ещё? Такое творится. Как там, была на поминках девочки?

– Да, как раз оттуда, – состроила жалобную гримасу Ольга. – Пашка спит?

– Да не спит он вообще, – покачала головой Лена. – Ты разговаривай с ним почаще.

– Конечно, – покивала Ольга. – Пойду загляну к нему.

В комнате Паши горела настольная лампа. Парень сидел на заправленной кровати, низко склонив голову над гитарой, и перебирал струны. Вопреки обыкновению, музыка лилась спокойная, хотя раньше Ольга зажимала уши, когда появлялась в комнате племянника, настолько неприятными ей казались его панковские, с позволения сказать, мелодии.

– Сочиняешь? – спросила Ольга, остановившись в дверях.

Паша не ответил, что-то записал в тетрадку, которую держал на коленях, зажал во рту ручку и продолжил брэнчать.

– Я была у Алиевых, – проходя в комнату, сказала Ольга. Присела рядом с племянником, заглянула в тетрадь, но парень перевернул её чистой стороной. – Её отец совсем потерян. Ты смотри не ходи к ним, он винит во всём тебя, что, конечно, ерунда полная. Это защитная реакция, достаточно токсичная. Расстроенный человек всегда ищет виноватого, чтобы переложить на него ответственность, снизить собственное чувство вины. Ему кажется, когда виновный будет найден, станет легче. Но это не работает так.

Паша снова промолчал. Ольга даже взглянула на его уши, думала, он заткнул их наушниками, но нет. Разозлившись, она всё равно попыталась улыбнуться.

– У меня для тебя есть небольшой сюрприз. Думаю, тебе понравится.

Ольга вышла из комнаты и вернулась с сумкой. Достала картину и бережно погладила раму. Паша поднял глаза. Хмурое лицо разгладилось, уголки губ печально дрогнули.

– Уверена, Асель хотела бы, чтобы она осталась у тебя, милый. Ты не против такого обращения?

Паша отложил гитару, встал, внимательно разглядывая картину, хотел коснуться, но Ольга отстранилась.

– Осторожно, размажешь, руки потные. Её подарил мне один мой старинный знакомый, когда я была ещё девчонкой. Картине много-много лет. Давай повесим сюда?

Она сняла со стены круглые часы и на их место повесила картину, выровняла и отошла, оценивая результат.

– Ей очень нравилась эта работа, – улыбнулась Ольга.

– Не так чтобы очень, – сказал Паша. – Просто нравилась.

– Поверь, я знаю, о чём говорю, – с нажимом повторила Ольга сквозь улыбку. – Пусть будет добрым напоминанием. Хорошо?

– Ну, пусть висит, – пожал плечами Паша.

Ольга обняла его, поцеловала в лоб.

– Всё будет хорошо. Спокойной ночи, милый.

Паша ещё долго стоял напротив картины, задумчиво потирая чёрные буквы на запястье, как будто хотел почувствовать их на ощупь.

Когда он в последний раз разглядывал эти цветы, они с Асель были почти счастливы. Говорили о будущем, о том, что волнует, о забавном и о серьёзном. Он слушал её искренний, звонкий смех и ловил себя на мысли, что хочет превратить его в аккорд. С ней ему было потрясающе. А та девушка, что убила мать и прыгнула из окна шестого этажа – это не Асель, он знал. Взгляд зацепился за особенно яркий, необычайно синий, с переливами голубого и чёрного, цветок с пятью лепестками. Он привлекал внимание, словно покачивался на ветру, источал знакомый аромат и что-то пытался сказать. У парня появилось ощущение, что в прошлый раз цветка на картине не было, иначе бы Паша точно заметил, настолько выделялся он на фоне своих собратьев. Да и акварельные мазки казались свежими, выступали на фоне общей блёклости старины. Паша смотрел на цветок так долго, не моргая, что в глазах защипало от недостатка влаги. Хотел поругать себя за саму мысль о говорящем нарисованном цветке, но почему-то обернулся, словно кто-то посоветовал ему это сделать. Дверь была открыта, из недр

комнат раздавался размеренный голос тёти Оли. Странное ощущение тревоги снова всколыхнуло нутро.

И пока Паша смотрел в коридор, рисованная тень, укрывающая часть поля у горизонта, вспорхнула и подобралась ближе.

Шёпот

- *Жалко Асельку...*
- *Да брось! Хватит ныть!*
- *Я не ною.*
- *Читатель, ну же! Вперёд!*

Амьти Тауншифт

МАРИКА МАКЕЙ

Пойдём со мной...

Топ-топ...

Глава первая, в которой Бобби боится засыпать один

«Суеверные люди ухватываются за психические явления, находя в них оправдание не всегда разумного подхода к жизни».

Джэй Энсон. Из книги «Ужас Амитивилля».

Бобби сказал, что в его шкафу кто-то есть....

Последний месяц для Эдгара Росса, отца Бобби, был очень изнурительным. Написание романа стопорилось, а дедлайн с каждым днем становился все ближе и ближе. Домик, который они сняли с семьей, позволял Эдгару погрузиться в нужную атмосферу, прочувствовать на себе иголочки страха от его вида и легенд, сложенных вокруг. Скрипучие, деревянные половицы, выцветшие обои, шаткие лестницы и гуляющий по комнатам ветер. Он искал именно этот дом. И хоть было очень сложно выйти на хозяина – им являлся старик, странный и довольно замкнутый – и еще сложнее оказалось его уговорить сдать свою собственность, у писателя получилось сделать это. Эдгар обладал даром убеждения, который впоследствии применил и на Рэйчел. Но сын в отличие от жены даже после переезда доставлял неудобства...

– Милый, – нервно вздохнула Рэйчел, открывая дверцу старого платяного шкафа, – посмотри, тут никого нет. Пусто.

– Но я слышал. Там... кто-то скребет.

Бобби сидел на своей кровати, подобрав ноги под себя. Он не отводил взгляда от шкафа, хмурился и дул губы. Мальчик был уверен, что внутри кто-то есть и этот кто-то за ним следит, но мать думала иначе.

– Это всего лишь крысы, дорогой. Дом старый, не удивительно, что они здесь есть.

Рэйчел боялась признаться даже самой себе, что это место пугало не только ребенка, но и ее. Мало того, что двухэтажный особняк напоминал все жуткие дома, которые когда-либо встречались в классических фильмах ужасов, удаленность от цивилизации тоже нагоняла страха. Дом на отшибе. Малоприятная перспектива жить здесь весь следующий месяц. Последний летний месяц, который можно было провести на каком-нибудь горнолыжном курорте или даже в одном из пансионатов штата Пенсильвания, а не в этом богом забытом месте. Но Эдгару нужен был именно этот дом, его история, его... клеймо.

– Я хочу домой. Мне тут не нравится.

– Милый, – Рэйчел пыталась контролировать эмоции, которые били через край: ей приходилось разрываться между прихотью мужа жить в этом жутком доме и постоянными капризами семилетнего сына, при этом сохраняя хоть какое-то подобие нормальной жизни, – отцу необходимо работать. Ты уже взрослый и должен понимать, что мы не можем просто взять и уехать. Этот дом... он кошмарный, но посмотри на все с другой стороны. Люди платят огромные деньги, чтобы побывать в подобных местах и пощекотать нервы.

– Вряд ли они спят в таких местах, – буркнул мальчик.

– Отцу необходимо полное погружение в атмосферу, – повторила она заученную за мужем фразу. – Он много работает, чтобы мы могли себе позволить отдых в лучших отелях, хорошую одежду и еду...

– Но раньше он писал свои ужастики и в нашем нормальном доме!

– Эдгар говорит, что этот проект отличается от предыдущих. На кону большие деньги и... Пойми, мы не можем уехать и оставить папу.

Женщина встала с кровати, наклонилась к сыну и чмокнула его в макушку.

– Призраков не существует. И монстров тоже. А «Ужас Амитивилля» всего лишь фильм.

– Побудь со мной, – не унимался Бобби.

– Я оставлю ночник. И, если тебе станет спокойнее, припру стулом дверь шкафа. Вот, – она пододвинула стул, чуть наклонила, чтобы спинка того оказалась вровень под ручками платяного гиганта, – теперь все в порядке. Спи.

– Ну, и как он? – шелкая по клавиатуре и не отрывая взгляда от монитора, поинтересовался Эдгар. – Заснул?

– Пришлось задвинуть дверцу шкафа стулом и оставить ночник, – выдохнула Рэйчел, устало усаживаясь в кресло возле камина. – Ему страшно, Эдди.

– Брось, милая, он привыкнет.

– Третью ночь подряд он просыпается после полуночи и потом долго не может заснуть. Это может сказаться на здоровье...

– Рэйчел, мы уже все обсудили, – поправляя очки в тонкой оправе и, наконец, отрываясь от работы, ответил Эдгар. Он перехватил бутылку бурбона, наполнил стакан, в котором давно таяли кубики льда, и отхлебнул янтарную жидкость. – Вы оба пообещали дать мне месяц.

– Но я все равно не могу понять, зачем тебе понадобился этот чертов дом!

– Вот только не надо очередной истерики! Или, может, ты как Бобби начнешь верить в призраков?

– Нет, но...

Фанатичность мужа всегда немного пугала Рэйчел, но он никогда не заходил так далеко. Переехать из комфортабельной квартиры в это захолустье, чтобы жить в доме серийного убийцы? И как только она позволила ему уговорить себя на такое?!

– Здесь умерла целая семья, Эдди... Стены этого дома пропитаны болью и страданиями.

– Стены этого дома пропитаны плесенью и всего-то. – Эдгар посмотрел на жену поверх очков. – Я раскручу эту историю, милая, и мне больше не придется делить франшизу с писаками-дилетантами. У меня появится своя серия, а имя... его будет знать каждый, кто умеет читать. Я стараюсь для вас.

– Но это даже не Хай-Хоупз на Оушен-Авеню 112. Это дом подражателя... Рональд Джозеф Дефео-младший² со своим убийством в Амитивилле тут не при чем.

– Еще как при чем, – ухмыльнулся Эдгар, снова концентрируясь на тексте. – Он вдохновил нашего Роберта Барнса по кличке «Младший» на серию зверских убийств, и я на этом отлично заработаю. Это будет что-то свежее, но с хорошо узнаваемой параллелью... А когда люди узнают, что автор лично пробыл в доме маньяка какое-то время – популярность будет обеспечена!

В глазах мужчины вспыхнул огонь наживы, немного безумный и пугающий. Рэйчел слышала от него про Пенсильванского маньяка-подражателя как минимум три раза, и каждый раз Эдгар рассказывал эту историю с каким-то нездоровым восхищением. Фермер-сирота убил в своем доме семью Фостеров, состоящую из шести человек, пародируя всем известного Рональда Джозефа Дефео-младшего. Сделал он это в пятницу, 13 ноября 1998 года, ровно через двадцать четыре года после дела Амитивилля в округе Суффолк, штат Нью-Йорк. Газетные заголовки пестрили упоминаниями двух этих дел и их почти полной идентичности. О Пенсильванском Дефео-младшем трещало из каждого радиоприемника в тот год, но никто так и не написал о нем роман и тем более не снял ни одной киноленты. И Эдгару нравился тот

² Рональд Джозеф Дефео-мл. (англ. Ronald Joseph DeFeo, Jr.; род. 26 сентября 1951) – американский убийца, который 13 ноября 1974 года убил своего отца, мать, двух сестёр, двух братьев. Его преступление повлекло за собой возникновение легенды об «Ужасе Амитивилля», о которой повествует одноимённый роман, на основе которого, в свою очередь, было снято множество фильмов в жанре хоррор.

факт, что он являлся, так сказать, первопроходцем. Автор хорошо продаваемой хоррорной франшизы, но не достаточно популярной для того, чтобы имя писателя знал каждый, кто умеет читать, уговорил редактора на новую серию. С одной оговоркой – полное погружение в шкуру Младшего.

Так и появился проклятый особняк в Амитивилле округа Берск штата Пенсильвания по Амити Тауншип. Дом, где целый месяц должно было прожить семейство Росс.

Глава вторая, в которой Эдгар перебирает с бурбоном

«Прежде всего, позвольте заверить вас в том, что места и предметы одержимыми никогда не бывают. Только люди».

Джэй Энсон. Из книги «Ужас Амитивилля».

Две следующие ночи все было спокойно. Бобби не жаловался на шкаф, хотя так же держал его закрытым с помощью стула, Эдгар писал новеллу, а Рэйчел смогла посвятить время журналам и уходу за кожей. Прогулки между деревьями за особняком способствовали хорошему настроению, а тот факт, что дом оказался вовсе не на отшибе, почти расположил женщину быть благосклонной к этому месту. Оказалось, буквально через пятьсот метров проходила дорога, а за ней вереницей тянулись соседние домики. Ещё не цивилизация – потому как для Рэйчел цивилизацией считались исключительно мегаполисы – но уже не такая и глушь.

Днями Бобби крутил педали старого детского велосипеда, хорошо спал ночью и на какое-то время позабыл о капризах. И пока Рэйчел в это время читала очередной роман о неразделенной любви, сидя на скрипучих качелях, она запретила себе даже на секунду задумываться, на чьем велосипеде рассекает сын и как он оказался в гараже маньяка-подражателя, лишь бы спокойствие не покинуло это богом забытое место. Жизнь, похожая на нормальную. Месяц можно и протянуть...

Почувствовав себя достаточно отдохнувшей, Рэйчел находилась в хорошем расположении духа этим утром. Женщина привела себя в порядок, нацепив выходную одежду и накрапившись, отправилась в местную забегаловку с пончиками, взяв с собой сына. Закусочная у Пита выглядела не очень-то презентабельно – Пит, карикатурно нарисованный на вывеске, выпячивал огромное пузо, уперев руки в бока, и широко улыбался, пялясь на посетителей свинячьими глазками – но за неимением места лучше, могло сойти и такое. Женщина прошлась по мраморной плитке заведения, цокая каблуками, с наслаждением отметила на себе взгляды здешних завсегдатаев. Каждый из них был похож на того же Пита с вывески, но ведь это все равно мужские взгляды. Рэйчел улыбнулась одному из этих типов и перестала злиться на то, что по дороге сюда каблуки ее туфель постоянно проваливались в мягкий грунт. Красота требует жертв.

– Здравствуйте! – широко улыбнувшись, официантка подросла к их столику с кружкой в одной руке и чайником с кофе в другой. – Готовы сделать заказ?

– Да, – немного растерялась Рэйчел – нагло навязанный кофе сбил ее с правильного настроения, – конечно... Нам порцию ассорти из пончиков, чашку чая и молочный коктейль. Будьте добры.

– Конечно! А пока ждете заказ, могу предложить вашему мальчику отличное шоколадное мороженое?

–Х-хорошо. Да. Почему бы и нет?

Рэйчел повела плечами от странного послевкусия после общения с дамочкой, когда та скрылась за стойкой раздачи. Невежественность и отсутствие манер обслуживающего персонала удивляла, но предложенный десерт сглаживал ситуацию. Этаким провинциальный контраст. Она не была готова к подобному.

– Добрый день! Вы не возражаете?

Вздвигнув всем телом от неожиданности, Рэйчел вернулась в реальность. К их с Бобби столику подошла миловидная дама с дочкой и лучезарно улыбнулась. Видимо, решила Рэйчел, здесь принято дарить неуместные улыбки. Жестом показала, что не возражает, чтобы та присела. Незнакомка была пухленькой и явно не дружила с модой, но от нее веяло какой-то

солнечной аурой, что естественно располагало. К тому же Рэйчел давно жаждала обзавестись если не подругой, то собеседницей, что она готова была без разбора откровенничать хоть с кем. Лишь бы найти свободные уши.

– Миранда Уилсон, – протягивая руку для рукопожатия, пропела женщина. – Вас я вижу впервые, стало быть, вы недавно переехали в нашу глушь?

– Рэйчел Росс, приятно познакомиться. Да, мы действительно перебрались несколько дней назад и еще не успели ни с кем познакомиться. Я, признаться, только вчера узнала, что у нас есть соседи.

– Как такое могло произойти? – эмоционально и вполне реально удивилась Миранда, аккуратно плюхаясь на диванчик напротив Рэйчел.

– Ох... дело в том, что мы снимаем дом по Амити Тауншип, а он со всех сторон зарос стлаником...

– Боже мой! – воскликнула та, не дав договорить Рэйчел. Посетители закуской у Пита с любопытством уставились на них. – Только не говорите, что живете в доме Роберта Барнса!

Рэйчел смерила женщину холодным взглядом, приподнимая одну бровь. В ее глазах та сразу растеряла свою солнечную ауру и теперь выглядела просто как неухоженная толстушка, сунувшая любопытный нос не в свое дело. Официантка, принеся мороженое, даже запнулась от интересной новости.

– Так и есть, – сухо отрезала Рэйчел.

Женщина, видимо, поняв, что перегнула палку, сбавила тон и почти зашептала:

– Разве вы не в курсе истории нашего Амитивилльского маньяка? В том доме произошла серия зверских убийств... – Миранда кивнула на Бобби и зашептала так тихо, что Рэйчел пришлось читать по губам. – Не очень-то хорошее место для ребенка.

– Я знаю. Но у нас есть причины жить именно в этом доме... По крайней мере, мы не задержимся в нем больше, чем на месяц.

Рэйчел была неприятна эта беседа, и сама новая знакомая уже порядком надоела, но ей хотелось хоть как-то ее осадить. Но какой козырь мог помочь против особняка серийного убийцы?

– Скажу по секрету, – замурлыкала Рэйчел, пытаясь придать своим словам веса, – мой муж известный писатель. Этот дом мы сняли для того, чтобы прочувствовать всю атмосферу безнадежности и отчаяния... для будущего романа.

Дочка Миранды уже несколько раз залезла пальцем в мороженое Бобби, пока матери вели «задушевный» разговор. Обе женщины это заметили и обе молчали. Бобби сидел смирно, смотря, как от мороженого остается непонятная затыканная масса, мальчик взял стакан и пододвинул его ближе к девочке.

– Вы уверены, что подобный опыт не навредит неустойчивой детской психике? Ваш мальчик слишком... тихий.

– Он всего лишь поделился мороженым с вашей дочерью. Это называется правильным воспитанием. Пойдем, Бобби, нам пора домой.

Рэйчел встала из-за стола, намереваясь уйти из закуской как можно быстрее, но Миранда окликнула ее.

– Несколько лет назад на Амити Тауншип вновь произошел несчастный случай. Дети играли в той местности и забрели в особняк. Один мальчик вернулся оттуда без пальца, от страха он даже перестал разговаривать. До сих пор не может произнести и звука. А второй... второго так и не нашли. Полиция обыскала весь дом, но тщетно.

– И что же случилось? – скептически ухмыльнувшись, спросила Рэйчел. – Призрак Амитивилльского маньяка постарался?

– Кто знает... Но я бы на вашем месте держалась от того дома подальше.

– Вы не на моем месте, – вновь отрезала Рэйчел. – К тому же дети имеют привычку убежать... особенно от непутевых родителей, – сказала это, смерив Миранду очередным высокомерным взглядом, и вышла из закуской, утягивая за собой Бобби.

Вернувшись домой, Рэйчел находилась в нехорошем расположении духа. Мало того, что она растеряла остатки и без того с трудом обретенного состояния спокойствия, теперь к бесконечной нервозности добавилась еще и тревожность. Женщина ничего не знала о несчастном случае с детьми, произошедшем несколько лет назад, Эдгар об этом не говорил. А он был человеком достаточно страстным, чтобы поделиться подобным лоскутом истории особняка Амивилльского маньяка. Значит, он просто не знал.

– У меня был весьма неприятный разговор с представительницей здешних мест, – начала рассказ Рэйчел, сидя вечером у камина. В конце концов, Бобби заснул спокойно, и она могла позволить себе немного расслабиться. – Во-первых, у нее ужасно невоспитанная дочь. А во-вторых...

– А во-вторых? – безучастно переспросил Эдгар, по обыкновению уставившись в монитор ноутбука и потягивая бурбон из горла бутылки. На дне плескалось совсем мало жидкости, а глаза мужчины предательски блестели.

– А во-вторых, она предостерегла меня... нас. Люди боятся этого дома, его ауры и...

– И что? – снимая очки и ложа их на стол, спросил Эдгар. – Снова начнем ни к чему не приводящий разговор?! Это просто дом, Рэйчел! Перестань... не стоит его одухотворять!

– Ты что-нибудь знаешь о несчастном случае, произошедшем здесь, я не знаю... может быть пару лет назад?

– Что за случай?

Эдгар откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки, и только теперь Рэйчел заметила в его взгляде некоторую заинтересованность.

– С детьми. Два мальчика пострадали... вроде как два.

– Рэйчел, что за случай?

– Я не знаю, Эдди! Эта Миранда – сочетание бестактности и безвкусицы, сказала, что дети играли в особняке, один из них каким-то образом потерял палец, а второй и вовсе пропал... Первый мальчик после этого случая перестал разговаривать, так что никто толком не знает, что произошло.

Какое-то время Эдгар молчал, задумчиво глядя на жену, а потом мужчина улыбнулся своим мыслям и покачал головой.

– Я надеялся, что вокруг этого места начнут складывать легенды, перевирать факты, добавлять интересные детали... Так все и происходит. Это хорошо.

– Так... ты знаешь что-нибудь об этом?

– Нет, – еще шире улыбнулся мужчина. – А если я не знаю, поверь, значит, этого не было. Перед тем как взяться за роман, я проверил все официальные и неофициальные источники, которым можно доверять, естественно. Здесь случилась лишь одна расправа... но зато какая!

Эдгар допил содержимое бутылки залпом и с удовольствием захлопнул крышку ноутбука. Мужчина подсел к жене, снова улыбнулся, кладя ладонь ей на колено, потом провел рукой по бедру, задирая платье.

– Я несказанно рад, что ты наткнулась на подобные слухи. Успех моей новеллы гарантирован!

– Эдди, – тихо проговорила Рэйчел, отворачиваясь от настойчивого поцелуя мужа и содрогаясь от запаха перегара, – у меня нет настроения для этого... Давай в другой раз?

– Ну что ты, детка? Не порть такой прекрасный вечер.

То, что этот вечер для Рэйчел вовсе не был прекрасным, его не волновало. Наверное, Эдгар не уловил ее состояния, и даже толика тревожности не передалась ему. Наоборот, он словно обрел второе дыхание, получил допинг!

– Эдди, может все-таки не сегодня? Я устала.

Губы мужа прощлись по подбородку, затем по щеке, протянули дорожку поцелуев от уха ко лбу, а потом в требовательном жесте накрыли губы. Рэйчел знала, что сопротивляться бесполезно, Эдгар всегда получал то, что хотел. А сейчас он хотел ее.

– Мама...

Рэйчел вылезла из-под Эдгара с молниеносной скоростью и уставилась на Бобби, тот стоял на ступенях лестницы, ведущей на второй этаж. Мальчик обнимал любимую мягкую игрушку, все больше и больше сжимая ее.

– Что случилось, дорогой?

– В моем шкафу кто-то есть, – зашептал мальчик. – Оно стучится.

– Боже ты мой, только не это! – взревел Эдгар, вставая с кресла, на котором собирался заполнить жену. – Опять?!

– Оно хочет выбраться из шкафа...

– Мне это надоело!

Эдгар подлетел к Бобби, перехватил руками ворот детской пижамы и потянул сына наверх. Тот едва поспевал, перебирать ногами, следуя за отцом в свою комнату.

– Эдди, прекрати! – закричала Рэйчел, бросившись следом за ними.

– Мы сейчас проверим, кто хочет пробраться в твою комнату, и молись, чтобы этот кто-то там действительно был!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.